

МАРКС

(Вступление)

1. Посеешь желание

— Маркс совершенно изменил мое видение мира, — сказал мне сегодня утром молодой Пальер, никогда прежде со мной не заговаривавший.

Антуан Пальер — богатый наследник династии промышленников, сын одного из восьми моих работодателей. Молодой человек, один из последних отпрысков крупной деловой буржуазии, которая в наши дни размножается исключительно путем непорочной отпрыжки, просто хотел блеснуть новыми познаниями, у него и в мыслях не было, что я что-нибудь соображаю в таких вещах. Разве трудящиеся массы способны разобраться в Марксе! В этом сложном тексте, научном слоге, утонченном языке, запутанных умозрениях.

И тут я чуть было глупейшим образом себя не выдала.

— Вы бы почитали «Немецкую идеологию», — ляпнула я этому балбесу в модной курточке бутылочного цвета.

Чтобы понять, что такое Маркс и в чем он ошибался, надо прочесть «Немецкую идеологию». Это антропологическая база, из которой выросли все его рассказы о новом мире и на которой зиждется главнейшее его убеждение: следует не гоняться за химерой желаний, а ограничиться потреб-

ностями. Только в мире, где будет обуздан *гибрис*¹ желания, станет возможным новое общественное устройство, без войн, угнетения и тлетворного неравенства.

Еще немного — и я, забыв, что, кроме моего кота, меня слышит кто-то еще, пробормотала бы:

— Посеешь желание — пожнешь угнетение.

К счастью, Антуан Пальер, которого пренебрежение к людям и легкий намек на усы еще не приближают к кошачьему роду, смотрит на меня так, будто ослышался. Меня, как обычно, спасает человеческая неспособность поверить во что-то, что не укладывается в уютные привычные представления. Консьержки «Немецкую идеологию» не читают, и им, слава богу, неведом одиннадцатый тезис о Фейербахе². Если же вдруг найдется среди них такая, которая читает Маркса, значит, она ступила на путь порока и продала душу дьяволу, имя которому — профсоюз. А что консьержка может читать подобную литературу просто-напросто для общего образования — так это полная нелепость, которая ни одному нормальному буржуа и в голову не придет.

— Кланяйтесь мамаше, — буркнула я и закрыла свою дверь у него перед носом, надеясь на то, что вековые предрассудки окажутся сильнее, чем диссонанс двух фраз.

---

¹ Похоть, гордыня, излишество (*греч.*).

² Имеется в виду одиннадцатый тезис из работы Маркса «Тезисы о Фейербахе»: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его».

2. Шедевры мирового искусства

Меня зовут Рене. Мне пятьдесят четыре года. И вот уже двадцать лет я работаю консьержкой в доме номер семь по улице Гренель, красивом особняке с внутренним двором и садом. Тут восемь огромных роскошных квартир, и ни одна не пустует. Я вдова, некрасивая, толстая, маленького роста, на ногах у меня торчат косточки, а изо рта разит по утрам, как из помойки. Я это чувствую, когда уж очень сама себе бываю противна. Я нигде не училась и всегда оставалась бедной, скромной и незаметной. Живу одна, с котом, здоровенным и ленивым, в котором нет ничего примечательного, разве что манера всюду следить воюющими лапами, когда он чем-то недоволен. Ни он, ни я — и тут мы заодно — ничуть не стремимся влиться в ряды себе подобных. Поскольку я не очень-то приветлива, хотя всегда учтива, меня не слишком любят, но относятся ко мне вполне терпимо, ведь я идеально соответствую укоренившемуся в общественном сознании стандартному образу домашней консьержки, тем самым выполняя свою роль колесика в огромном механизме мировой иллюзии: согласно ей, жизнь будто бы имеет некий смысл, который ничего не стоит разгадать. На тех же небесных скрижалях человеческой глупости, где значится, что все консьерж-

ки — старые, сварливые уродины, записано огненными буквами, что вышеупомянутые консержки держат жирных котов, которые целый день валяются на подушках, накрытых вязанными крючком накидками.

Далее сказано, что, пока коты валяются и спят, консержки непрерывно смотрят телевизор и что в вестибюле непременно должно пахнуть стряпней: тушеным мясом, супом с капустой или свиным рагу. Мне страшно повезло, что я консержка не в каком-нибудь, а в суперреспектабельном доме. До чего унижительно было готовить всю эту гадость, и как же я обрадовалась, когда месье де Брولли, государственный советник со второго этажа, вежливо, но твердо — должно быть, так он выражался, когда рассказывал жене об этом своем шаге, — дал мне понять, что подобные плебейские запахи неуместны в жилище такого класса. Однако я притворилась, что неохотно подчиняюсь.

Это было двадцать семь лет тому назад. И каждый день с тех пор я покупаю в мясной лавке ломтик ветчины или кусок телячьей печени, кладу в кошелку и несую домой вместе с пачкой лапши и пучком моркови. Смотрите все: вот пицца бедняков, имеющая то похвальное преимущество, что не издает неподобающего запаха, ведь я беднячка в доме богачей; таким образом я одновременно удовлетворяю общественные ожидания и своего кота по кличке Лев — он оттого и жирный, что обжирается едой, по идее предназначенной мне: свиной, макаронами с маслом, а я, пока он чавкает, могу спокойно, не смущая обоняние ближних, питаться тем, что отвечает

моим собственным вкусам, о которых никто не имеет понятия.

Куда труднее оказалось утрясти вопрос с телевизором. Пока был жив мой муж, не возникало никаких проблем: Люсьен смотрел все подряд, избавляя меня от этой повинности. В вестибюль бесперебойно поступали нужные звуки, и этого хватало для поддержания устоев социальной иерархии; когда же Люсьена не стало, мне пришлось поломать голову, чтобы придумать, как сохранять необходимую видимость. Люсьен исполнял вместо меня тягостную обязанность, его невежество надежно укрывало меня от подозрений окружающих; лишившись мужа, я лишилась этой защиты.

Все решилось с появлением видеонаблюдения.

Раньше каждый входящий должен был нажимать кнопку вызова, теперь же у меня автоматически звенел звоночек, соединенный с инфракрасным датчиком, давая мне знать о том, что в вестибюле кто-то есть, как бы далеко от входа я ни находилась. Потому что обычно я провожу почти все время в задней комнатке, изолированной от навязанных моим положением запахов и звуков, где могу делать что хочу и при этом оставаться в курсе всего, что должен знать исправный страж: кто, когда и с кем входит и выходит.

Таким образом, жильцы, проходя через вестибюль, слышали невнятный шум, говорящий о том, что за дверью работает телевизор, и этого вполне хватало их воображению — в силу его убожества, а вовсе не богатства, — чтобы нарисовать образ консьержки, сидящей перед экра-

ном. Я же, забившись в свое логово, ничего не слышала, но понимала, что кто-то вошел. Тогда я подходила к круглому окошку, выходящему на лестничную клетку, и смотрела, кто там, оставаясь невидимой за белой муслиновой занавеской.

Видеокассеты, а потом божественные диски DVD еще более радикально изменили к лучшему мое существование. Поскольку консьержка, млеющая перед «Смертью в Венеции», — явление довольно странное, как и симфония Малера, доносящаяся из привратничкой, я посягнула на скопленные с большой натугой семейные сбережения и купила новый телевизор с плеером, который установила в своем тайном убежище. А старый остался в офисе и обеспечивал мне конспирацию, изрыгая рассчитанную на улиточки мозги дребедень, пока я со слезами на глазах наслаждалась шедеврами мирового искусства.

Глубокая мысль № 1

*Погонишься за звездами —
Кончишь жизнь в аквариуме
Золотую рыбкой.*

Насколько мне известно, взрослым случается иногда задуматься о своей бездарной жизни. В таких случаях они начинают стенать, бестолково метаться, как мухи, которые тупо бьются и бьются в стекло, чахнуть, страдать, переживать и удивляться, как занесло их туда, куда они вовсе не стремились. У самых умных эти причитания превратились в ритуал: о презренное, никчемное буржуазное прозябание! Такие циники попадают среди папиных знакомых. Сидят в гостиной за столом и вздыхают с самодовольным видом: «Эх, где мечты нашей молодости! Развеялись как дым, такая сволочная штука — жизнь». Ненавижу эту их фальшивую умудренность! На самом деле они ничем не отличаются от остальных — такие же ребяташки, которые не понимают, что с ними случилось, им хочется плакать, но они пыжата и корчат из себя больших и крутых.

Между тем понять совсем нетрудно. Беда в том, что дети верят словам взрослых, а когда сами взрослеют, в отместку врут собственным детям. «Взрослые знают, в чем смысл жизни» — вот всемирное вранье, в которое все обязаны верить. А когда станешь взрослым и поймешь, что это неправда, уже поздно. Тайна так и остается неразгаданной, а энергии больше нет — вся она давно растрачена на глупейшие занятия. Чтобы было не так горько, приходится притворяться, делать вид, будто не видишь, что никакого смысла в твоей жизни не обнаружилось, и обманывать детей в надежде убедить самого себя.

Все, с кем общаются мои родители, прошли один и тот же путь: в молодости старались выжать все, что можно, из своих мозгов, воспользоваться преимуществом хорошего образования и выбиться в элиту, а потом всю жизнь давались диву: почему такой многообещающий дебют привел к такому убогому существованию? Люди пускаются в погоню за звездами, а кончают тем, что трепыхаются, как золотые рыбки в аквариуме. Так не проще ли, спрашивается, с самого начала учить детей, что жизнь абсурдна. Пусть это несколько омрачит детство, зато сбережет немало времени в зрелости да еще, между прочим, предохранит от душевной травмы — я имею в виду аквариум.

Мне двенадцать лет, и я живу в доме номер семь по улице Гренель, в роскошной квартире. У меня богатые родители, богатая семья, и, значит, теоретически мы с сестрой тоже богатые. Мой отец раньше был министром, сейчас он депутат, а когда-нибудь, глядишь, взлетит на самый верх и будет попивать казенное вино в особняке Лассэ¹.

Мать... Ну, она не блещет интеллектом, зато очень образованная. Доктор филологических наук. Так что пишет приглашения гостям без единой ошибки и вечно пристает к нам с литературными намеками («Колумба, не строй из себя госпожу де Германт», «Ах, золотко мое, ты настоящая Сансеверина»).

Но, несмотря на такое везение и богатство, я давно знаю, что конец один: аквариум. Откуда знаю? Дело в том, что я очень умная. Просто зверски. По сравнению с ровесниками — и говорить нечего! Но поскольку мне вовсе не хочется, чтобы это было заметно, — в семье, где умственные способности ценятся превыше всего, одаренному ребенку не дадут спокойно жить, — я, как могу, стараюсь в школе поменьше проявлять свои таланты, и все равно по всем предметам первая. Можно подумать, что симулировать нормальное развитие, когда ты в двенадцать лет соображаешь на уровне выпускного филологического класса,

---

¹ *Особняк Лассэ* — резиденция президента Национального собрания.

ничего не стоит. А на деле — ничего подобного! Казаться глупее, чем ты есть, ужасно трудно. Хотя, по крайней мере, не сдохнешь со скуки: ведь чтобы понять и усвоить то, что объясняют в школе, мне требуется совсем не много времени, и неизвестно, куда девать остальное — а тут я все время занята: играю роль типичной отличницы, чтоб было все как полагается: тот же стиль, те же слова, повадки, вкусы и те же мелкие ошибки. Я внимательно изучаю все письменные работы Констанс Борель, второй ученицы в классе, по французскому, математике и истории и мотаю на ус, что и как делать мне: во французском должно быть связное изложение и правильное написание, в математике — механическая запись бессмысленных действий, а в истории — перечисление событий, разбавленное логическими связками. Даже если сравнивать со взрослыми, большинство из них далеко не так умны, как я. Таков факт. Гордиться тут нечем — моей заслуги в этом нет. Но в аквариум я, уж точно, не попаду. Таково мое непоколебимое решение. Судьба даже такой способной, яркой личности, как я, незаурядной и превосходящей основную массу людей, заранее predetermined, и это обидно до слез; почему-то никому не приходит в голову, что если жизнь не имеет смысла, то нет никакой разницы, добьешься ли ты в ней блестящего успеха или окажешься неудачником. Разве что будет житья полегче. Да и то: разумному человеку успех приносит разочарование, тогда как посредственность всегда питает какие-то иллюзии.

Для себя я твердо все решила. Я уже скоро выйду из детского возраста и, несмотря на то что знаю, какая жалкая комедия наша жизнь, вряд ли сохраню трезвость мысли до конца. В людях заложена вера в то, чего нет, потому что они живые существа и не хотят страдать. Вот мы и стараемся изо всех сил внушить себе, что есть некие высшие ценности, которые якобы придают жизни смысл. И, при всем своем могучем интеллекте, я не знаю, как долго смогу противиться этой биологической потребности. Выдержу ли горькое сознание того, что жизнь бессмысленна, когда мне придется включиться во взрослые гонки? Не думаю. Пото-

му-то я и решила: в конце этого учебного года, в день, когда мне исполнится тринадцать лет, то есть шестнадцатого июня, я покончу с собой. Заметьте, трубить об этом, будто о каком-то отважном и дерзком деянии, я, конечно, не собираюсь. Наоборот, мне нужно, чтобы никто ничего не заподозрил. У взрослых истерическое отношение к смерти, они придают ей непомерную важность, разводят вокруг нее всякие церемонии, тогда как это самая обычная вещь на свете. Лично для меня имеет значение не то, что я умру, а то, как это произойдет. Моя японская жилка, естественно, склоняет меня к харакири. Под этой «жилкой» я разумею свою любовь к Японии. Как только у нас в школе начался второй язык, я выбрала, само собой, японский. Правда, учитель попался не ахти, по-французски говорит так, что ни слова не разберешь, и большую часть урока растерянно чешет в затылке, но есть приличный учебник, и я уже неплохо продвинулась с начала года. Надеюсь, еще несколько месяцев — и смогу читать свои любимые манги в оригинале. Мама не понимает, «как это такая умная девочка, как ты, может читать манги!» Я даже не пытаюсь объяснить ей, что слово «манга» по-японски означает просто «комикс». Пусть себе думает, что я сдвинулась на молодежной субкультуре. В общем, я рассчитываю через пару месяцев прочесть по-японски Танигучи¹. Однако — возвращаясь к нашему предмету — надо успеть до шестнадцатого июня, потому что в этот день я кончаю с собой. Правда не по-японски. Харакири — это, конечно, прекрасно и благородно, но... очень уж больно, а мне не хочется мучиться. Мучительная смерть не для меня, наоборот, моему, если решаешь умереть и тем более считаешь, что смерть в порядке вещей, то нужно все сделать безболезненно. Смерть должна быть незаметным переходом, мягким скольжением в вечный покой. Некоторые выбрасываются из окна с пятого этажа, травятся кислотой или вешаются. Как глупо! И даже, я бы сказала, непристойно! Ведь умираешь для того, чтобы не страдать? Я к своему уходу

---

¹ *Хиро Танигучи* — японский художник, автор множества популярных рисованных книжек-манга.

готовлюсь основательно: вот уже целый год каждый месяц беру по таблетке снотворного из коробочки в маминной спальне. Она употребляет их в таком количестве, что, верно, не заметила бы, даже если б я таскала по штуке в день, но я предпочитаю не рисковать. Когда задумываешь что-то, чего, скорее всего, никто не одобрит, надо соблюдать крайнюю осторожность. Иначе не успеешь оглянуться, как окружающие набросятся и не дадут тебе исполнить самое заветное желание, вопя при этом о «смысле жизни», «человеколюбии» и прочем идиотизме. Или вот еще о том, что «детство свято!».

Короче говоря, я шаг за шагом приближаюсь к шестнадцатому июня и не испытываю никакого страха. Разве что легкие сожаления. Но в целом этот мир не создан для принцесс. Однако же все это вовсе не означает, что, задумав самоубийство, обязательно надо киснуть, как гнилой помидор. Совсем наоборот. Не важно, что умрешь, не важно, в каком возрасте, важно, за каким занятием тебя застанет кончина. Герои Танигучи умирают во время восхождения на Эверест. У меня нет ни малейшего шанса штурмовать Чогори или Гран-Жорасс до шестнадцатого июня, поэтому моим Эверестом будет интеллектуальная высота. Я задалась целью продумать до этих пор как можно больше глубоких мыслей и записать их в тетрадь: пусть ничто не имеет смысла, но почему бы уму не поизощряться на эту тему? А поскольку во мне сильна японская жилка, я усложнила себе задачу: каждая глубокая мысль должна быть облечена в форму миниатюрного японского стихотворения, хокку (из трех стихов) или танка (из пяти).

Больше всего мне нравится хокку Басё:

Хижина рыбака.
Замешался в грудку креветок
Одинокий сверчок¹.

Это вам не тесный аквариум, а настоящая поэзия!

Но в мире, где я живу, поэзии гораздо меньше, чем в хижине японского рыбака. По-вашему, нормально, когда

---

¹ Перевод Веры Марковой.

четыре человека занимают квартиру в четыреста квадратных метров, тогда как множество других людей, среди которых, очень может быть, есть проклятые поэты, не имеют приличного жилья и ютятся вдесятером на двадцати? Когда прошлым летом в новостях передали, что несколько африканцев погибли из-за того, что их битком набитый дом загорелся от брошенной на лестнице спички, я подумала вот что. Эти люди каждый день тычутся в стенки своего аквариума, и никакие сказки не заслонят очевидной реальности. А мои родители и сестра, в своей четырехсотметровой квартире, заставленной мебелью и увешанной картинами, воображают, будто плавают в океане.

Так вот, шестнадцатого июня я постараюсь напомнить им об их сардиньем уделе: возьму и подожгу квартиру (с помощью разжигательной жидкости для барбекю). Заметьте, я не убийца, я это сделаю, когда в квартире никого не будет (шестнадцатого июня — суббота, а в субботу вечером Колomba отправляется к Тиберу, мама — на йогу, а папа — в свой клуб, дома остаюсь одна я), кошек выпущу в окно и заблаговременно вызову пожарных, чтобы обошлось без жертв. А сама спокойненько улягусь в маминной кровати и проглочу свое снотворное.

Может, лишившись квартиры и дочери, они задумаются о мертвых африканцах?

КАМЕЛИИ

1. Аристократка

По вторникам и четвергам ко мне заходит на чай единственная моя подруга Мануэла. Это простая женщина, которая двадцать лет подряд вытирает пыль в чужих домах, но ничуть от этого не остервенела. «Вытирать пыль» — это такой стыдливый эвфемизм. У богатых не принято называть вещи своими именами.

— Я вытряхиваю корзинки с грязными прокладками, — рассказывает она со своим мягким, пришепетывающим акцентом, — подтираю собачью блевотину, чищу птичьи клетки — никогда и не подумаешь, что такие крохотные пташки столько гадят! — мою сортиры. В общем, та еще пыль!

Вот и представьте себе, что к двум часам дня, когда Мануэла спускается ко мне — во вторник от Артансов, а в четверг от де Брольи, — она успеваает до блеска отдраить их унитазы, позолоченные, но от этого не менее вониючие и грязные, чем прочие толчки на белом свете, ибо если есть у богачей что-то, что, как ни крути, равняет их с бедняками, так это зловонные кишки, которые должны куда-то извергать свое мерзостное содержимое.

Отдайте же должное Мануэле. Хоть в мире, где одни брезгливо зажимают нос, предоставляя

делать грязную работу другим, ей отведена роль жертвы, она не теряет некой душевной утонченности, которая стоит неизмеримо больше любой позолоты, тем паче украшающей отхожее место.

— Подай на стол хоть корочку, да на красивом блюде, — говорит Мануэла и достает из своей старой кошелки светлую плетеную корзиночку, из которой свешиваются уголки шелковистой пунцовой бумаги, там, словно в гнездышке, лежат миндальные пирожные. В одну чашку я наливаю кофе — пить его мы не будем, но нам обоим нравится вдыхать кофейный аромат, в две другие — зеленый чай, и мы принимаемся молча потягивать его, заедая хрустящими пирожными.

Мануэла точно такое же ходячее нарушение стереотипа прислуги-португалки, как я — стереотипа консьержки, только сама не ведает об этом отступничестве. Она появилась на свет в Фаро, под фиговым деревом, из материнской утробы, что родила еще семерых детей до и шестерых после этой дочери; сызмала работала от зари до зари в поле, очень рано была отдана в жены каменщику, который вскоре уехал во Францию; у нее четверо детей, французов по праву рождения, но в глазах французов все равно португальцев. Так вот, Мануэла, во всем, от косынки на голове до черных эластичных чулок, типичная крестьянка из Фаро, — это самая настоящая, чистейшая аристократка, которая ни на что не ропщет, потому что для нее, отмеченной печатью душевного благородства, предрассудки и титулы ровно ничего не значат. Что такое аристократка? Та, кого не затрагивает пошлость, даже если окружает ее со всех сторон.